

После наблюдения в течение некоторого времени за ликующей работой Нежного кустарника, мое внимание вновь обратилось к прибрежной колонии, которая, наконец, стала достаточно большой для того, чтобы снова разделиться на две части. Искусство песен Чешуйчатой певицы наконец-то добралось до них, и оно выглядело столь же красиво под водой, как и на поверхности. Несколько пернатых членов семьи - дети иммигрантов со склона горы, выглядели немного неуместно на фоне преимущественно жабровой колонии, но они все же хорошо ладили. Жабры были очень близки к завершению, так как большинству ящериц с жабрами редко требовалось выходить на поверхность, чтобы набрать воздух, кроме тех особей, чьи жабры были менее развиты. Жабры, которые были рядом с шеей медленно продвигались к спине, чтобы они могли расширяться и существовать рядом с легкими. Их грудная полость стала немного больше, чем у наземных ящериц, чтобы приспособить к воде их легкие. Чешуя над волнистыми жабрами стала твердой для того, чтобы защищать их и взаимодействовать с другой чешуей, когда она не используется для того, чтобы скрыть их. Их воздушные легкие были также способны выпускать воздух до такой степени, чтобы облегчить давление от более глубоких погружений, тем не менее им требовалось время, чтобы прийти в себя, когда они возвращались на поверхность.

Я также видел, как несколько семей отделились от береговых колоний, решив жить в водной области, проводя весь день и ночь под водой. Они находились там, где свет еще мог проникать через воду и были способны спать и не тонуть при этом. Они лежали среди коралловых рифов и огромных подводных лесов из возвышающихся столбов ламинарии. Они предлагали пищу и защиту, а также благодаря жаре, которая сохранялась внутри их тел, они имели возможность оставаться в тепле даже в слегка прохладной воде.

Адаптация прошла хорошо, и я полагал, что теперь мог называть жабры завершенными благодаря моему влиянию на них. Их тела также хорошо компенсировали водный образ жизни, их хвосты были мощнее, чем у наземных ящериц, хотя их ноги понесли некоторую потерю мышечной массы из-за этого. Когда они ходили на двух ногах по берегу, они часто позволяли своему тяжелому хвосту волочиться по земле, обеспечивая немного больше поддержки по отношению к земле, используя сильные мышцы для поддержания их тел в вертикальном положении.

Они гордились своей силой в воде, но не так гордились тем, что не принимали помощь на земле со стороны своих наземных братьев и сестер. Они знали свои сильные и слабые стороны. Забавное испытание силы также были развито у береговых ящериц, и даже те, которые не были полностью развиты для жизни в воде, приняли участие. Две ящерицы вставали лицом друг к другу, а затем скручивали свои хвосты вокруг друг друга, и они начинали соревнование, целью которого было повалить своего противника на землю, используя лишь силу своего хвоста. Чем более быстро плавала ящерица, тем сильнее был ее хвост, поэтому подводные гонки были также распространены, особенно среди детей, которые все еще росли и развивались.

Было немного горестно за тех, кто проигрывал в подвигах силы и скорости. Некоторые решали отказаться от этого и сосредоточиться на более домашних достижениях, другие были воодушевлены на то, чтобы улучшить свои показатели и попробовать снова, независимо от того, сколько раз они терпели неудачу. Это относилось прежде всего к наземным и пернатым гибридам, особенно к нескольким более мелким пернатым особям, которые испытывали трудности по сопоставлению силы со своей водной семьей.

Такая конкуренция была редкой для лесных и горных колоний, но у них было гораздо меньше

хищников, с которыми они имели дело. Для жаберных ящериц существовало гораздо больше опасностей в воде, чем на суше. Путь до рифа в целом был безопасен, но если они заплывали дальше в открытую воду, там уже начинали появляться огромные чудовища.

Существа, обитающие в воде, были странными по сравнению с теми, которые жили на земле. Такие конечности, как ноги и руки были редкостью, а острые зубы были обычным явлением. В синих глубинах не существовало разделения на травоядных и плотоядных, все ели все, даже если это было всего лишь частью чего-то. Когда крупный хищник убивал крупную добычу, многие мелкие существа приплывали потреть остатков. Никакая пища не тратилась впустую в месте, которое в один день может быть изобилием, а на следующий день оставит без средств к существованию.

Катастрофа также подкосила водных существ, как и береговые колонии, и в течение некоторого времени ящерицам пришлось опасаться чрезмерного вылова рыбы, чтобы они не потеряли свой источник пищи. Они должны были путешествовать внутри страны, чтобы добраться до зелени, которая являлась наземным источником питания, и некоторые ящерицы чувствовали, что это порождает больше проблем и того не стоит. Не зная, что им делать, я пошел на охоту для них.

То, что я нашел, было в большом изобилии в непосредственной близости от скалистых берегов их дома. Оно лежало в лесу водорослей, или, вернее, это и был лес водорослей. Воспоминания о таком море пришли не в форме великолепного подводного святилища, но в форме полосок бурых водорослей, которые едят в сыром виде, варят, иногда сушат, и которые являются здоровым источником полезных ископаемых. Семей, которые жили среди бурых водорослей, я призвал их потреть, когда они были голодными. Сначала настороженно, они, в конечном итоге, срывали мелкие листья гигантских растений и съедали их. Они не чувствовали ничего особенного в связи с новой пищей, но она набивала их животы до следующего такого приема.

Когда их братья и сестры пришли с земли в воду, они поделились своими знаниями об употребляемых в пищу бурых водорослях, которые стали приносить на берег для совместного дальнейшего использования остальными.

Те, кто ранее избегал водоросли, теперь собирали и варили их в соленой морской воде в грубых чашах на огне. Некоторые были съедены прямо из миски, другие раскладывали на скалах для того, чтобы они подсыхали. Это было не так вкусно, как жирная и костистая морская рыба, но через некоторое время они почувствовали себя сильнее, быстрее, и менее склонными к болезням. Я знал о питательных веществах в водорослях, и в то время как их вкус оставлял желать лучшего, они были питательными и полезными. Таким образом, ламинария стала основным продуктом питания, и хотя некоторые молодые не любили ее просто за отсутствие аромата, они вскоре притерпелись к ней, если вообще не стали наслаждаться ее простотой.

Высушенные водоросли хранились достаточно легко и в течение долгого времени, что делало их еще одним благом, которое можно было обменивать на сушеное мясо и украшения других колоний. Высушенные водоросли сохраняли в себе соленый вкус воды, в которой они росли, что весьма понравилось особям наземных колоний.

Из леса на суше к лесу под водой ящерицы жили своей жизнью. А был ли лес где-то в небе, подумал я. Может быть он был скрыт облаками или располагался на какой-то далекой земле, которую они еще не могли достичь. Я чувствовал, что, наконец, настало время доставить их туда.

<http://tl.rulate.ru/book/612/15961>